

П.А. Чеснялис

Новосибирский государственный педагогический университет

ЛИМИНАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В АДАМИСТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАРБУТА

Аннотация. Исследование посвящено представленным в лирике В. Нарбута 1910-х годов лиминальным ситуациям. Рассмотрены их источники, структура и эволюция в рамках указанного периода. Полученные результаты расширяют представление об особенностях лирического субъекта в лирике адамистов. Лиминальные ситуации, к которым В. Нарбут обращается в книге «Аллилуйя», связаны с нарушением границ человеческого и потустороннего миров. Потустороннее имеет фольклорные корни – взаимодействие человека с представителями славянской демонологии сообщает некоторым текстам жанровые черты былички. При этом акцентирована обыденность отношений человека с чужим миром. Лирический субъект редко осознаёт, что находится в пограничной ситуации и никогда не оценивает её как опасную. В книге «Плоть» сохраняется интерес к лиминальным ситуациям, которые обусловлены неустойчивостью границы человеческого и потустороннего миров. Для осмысления этой границы В. Нарбут обращается к состояниям, связанным с изменениями в психических процессах. Разница живого и мёртвого рассматривается через призму физиологии. Лирический субъект может выступать инициатором лиминальной ситуации или попасть в неё помимо собственной воли. В обоих случаях он оценивает своё положение как критическое. Также в книге «Плоть» изображены переходные ситуации в отношениях человека и общества. Странничество представлено как идеальная лиминальность, из которой субъект не стремится выйти.

Ключевые слова: Владимир Нарбут, адамизм, акмеизм, лиминальность, лиминальная ситуация, лирический субъект.

Сведения об авторе. Чеснялис Полина Анатольевна, аспирант кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, НГПУ. Тел. (383) 244-03-30. E-mail: chesnyalis@yandex.ru).

В лирике Владимира Нарбута 1910-х годов широко представлены сюжеты, основой которых выступают ситуации, связанные с неустойчивостью границ человеческого и потустороннего миров. В некоторых случаях – с нарушением социальных связей. Это ситуации пограничные или лиминальные.

Согласно философскому словарю, лиминальность – это «стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов» [Проективный философский словарь, 2003, с. 195]. Для стихотворений Нарбута характерно изображение лиминальных состояний как длительных, выход из которых не является обязательным.

Книга «Аллилуйя» вышла в 1912 году, а «Плоть» в 1920 – обе следует рассматривать как два этапа нарбутовского адамизма. Ближайший соратник Нарбута – поэт-адамист Михаил Зенкевич писал: «Книга «Плоть», хотя на ней и стоит 1920 г., вся составлена из стихов 1913–14 годов, и её и надо рассматривать как поэтическое явление не наших дней, а довоенного времени» [Зенкевич, 2008, с. 136].

Лиминальные ситуации, к которым Нарбут обращается в книге «Аллилуйя», обычно связаны с нарушением границ человеческого и потустороннего миров. «Аллилуйя» населена представителями славянской демонологии: домовые, лешие, ведьмы, упыри существуют в одном пространстве с людьми. Стихотворение «Нежить», открывающее книгу, – яркий тому пример:

И домовихой рыжей, раскорякой тощею
 (с лежанки хлопнулась), припасено два гада:
 за мужа, обтирающего тряпкой бороду
 (кряхтел над сыровцем), пройдоху-таракана,
 и за себя – клопа из люльки, чуть распоротой
 по шву на пузе, – вверх щелчком швыряет рьяно.
 Лишь голомозый – век горюет по покойнице:
 куда занастилась?.. [Нарбут, 1912]¹

Итак, в доме некоего вдовца обитают домовиха и её муж. Это соседство изображено как абсолютно естественное, не вызывающее противоречий. Пограничная ситуация, в которую погружён человек (тот самый вдовец), не заметна для него. Можно также предположить, что вдовец – это и есть муж домовихи. Согласно древним народным представлениям, в домового мог превратиться один из умерших членов семьи.

«Нежить» – это фиксированная лиминальность. Внимание Нарбута сосредоточено на самой интересной фазе. Наступление следующей стадии возможно в том случае, если вдовец присоединится к своей жене в другом мире.

В стихотворении «Крепко ломит в поясище...» лиминальная ситуация – встреча с лесовиком – встроена в контекст инициации. Замеченная лешим девка становится объектом его домогательств, в результате чего превращается в ведьму:

Ох, кабы не зачатила
 по грибы да шляться в лес, –
 не прилез бы он, постылый,
 полузверь и полубес;
 не забрел бы, не облапил,
 на кровать не поволок.
 Поцелует – серый пепел
 покрывает смуги щек... [Нарбут, 1912]

Обращает на себя внимание то, что возникновение лешего представлено как закономерное. Девка не удивлена и лесовик противен ей не как представитель нечистой силы, а просто как безобразный ухажёр. Она легко принимает роль ведьмы и даже угрожает своему инфернальному любовнику:

«...Погоди! Коли уж этак,
 потаскаешься тайком!..»
 Решету оконных клеток
 погрозила кулаком.
 И, схватив вихрастый веник,
 на метлу да в печку – пырь... [Нарбут, 1912]

¹ В издании отсутствует нумерация страниц.

Оборотничество способствует сглаживанию лиминальности, позволяя нечистой силе оставаться незамеченной, как это происходит в стихотворении «Луна, как голова, с которой...»²:

Один, другой, совсем нетвердый,
 прозрачно-легкий, легкий шаг,
 и острая собачья морда –
 нырнула внутрь вполупотьмах.
 В углы шарахнулась скотина...
 Не помышляя о грехе,
 во сне подпасок долгоспинный
 раскинулся на козухе
 и от кого-то заскорузлой
 отмахивается рукой...
 А утром розовое сусли
 (не молоко!) пошлет удой.
 Но если б и очнулся пастырь,
 не сцапал ведьмы б все равно:
 прикинется метлой вихрастой,
 валяется бревном-бревно [Нарбут, 1990, с. 100].

Пограничная ситуация воспринимается читателем, в то время как персонаж остаётся в неведении.

Непосредственный, телесный контакт с иным также может оставаться незамеченным. В стихотворении «Упырь» мать не догадывается, что существо, которое она вскармливает, имеет потустороннюю природу:

Невдомек ротозейке-неряхе,
 молоко отдоившей из гирь
 (иль из дуль, впрок моченных?), – что взмахи
 перепонок вздымает во мраке
 захлебнувшийся пойлом упырь;
 что при гноте жестяной коптючки –
 в жидком пепле – дитенок чудной
 всковырнется и липкие ручки,
 как присоски при щедрой получке,
 лягут властно на плечи, и – вой... [Нарбут, 1912]

Согласно общеславянским представлениям, упырями становились дети, зачатые от нечистой силы, а также те, «чье рождение, жизнь или смерть сопровождалась нарушениями ритуальных или моральных норм» [Славянские древности, 1995, т. 1, с. 283]. В контексте книги «Аллилуйя» рождение такого ребёнка представляется закономерным, как результат телесного контакта с потусторонними существами. Нарбутовский упырь соответствует архаичным представлениям и в том, что наносит вред прежде всего своей семье (в данном случае – матери). Пороговая ситуация не стремится к завершению в тексте, который оканчивается многоточием.

² В издание 1912 г. это стихотворение не вошло. Как позже писал сам В. Нарбут, это произошло случайно.

Стихотворение «Гадалка» представляет нам проводника в потусторонний мир:

Слезливая старуха у окна
 гнусавит мне, распластывая руку:
 – Ты век жила и будешь жить – одна,
 но ждет тебя какая-то разлука.
 Он, кажется, высок и белоус.
 Знай: у него – на стороне – зазноба...
 На заскорузлой шее – низка бус:
 так выгранить гранаты и не пробуй!
 Зеленые глаза – глаза кота,
 скупые губы – сборками поджаты;
 с землей роднится тела нагота,
 а жилы – верный кровяной вожатый [Нарбут, 1912].

Лирический субъект стихотворения среди других выделяется своей способностью к рефлексии. Героиня, которая выслушала недоброе предсказание, сообщает о своей *сознательной* покорности судьбе:

И земляное злое ведовство
 прозрачно было так, что я покорно
 без слез, без злобы – приняла его,
 как в осень пашня – вызревшие зерна [Нарбут, 1912].

Правда, идущая от земли (с которой сопоставлена старуха-гадалка), не может быть отвергнута. Лирический субъект осознаёт связь с землёй, зависимость от неё. По-настоящему опасным видится конфликт с хтоническими силами, а подчинение им – естественно.

Итак, в первой акмеистической книге В. Нарбута лиминальные ситуации выстраиваются главным образом как нарушение границ человеческого и потустороннего миров. Потустороннее имеет фольклорные корни – взаимодействие человека с представителями славянской демонологии сообщает некоторым текстам черты былички. При этом акцентирована обыденность отношений человека с чужим миром. Лирический субъект или не осознаёт, что находится в пограничной ситуации, или не оценивает её как опасную.

В книге, которая получила название «Плоть», В. Нарбут также обращается к лиминальным ситуациям, обусловленным неустойчивостью границы человеческого и потустороннего миров. Но лиминальность более не осмысливается через фольклорные представления. Внимание Нарбута привлекают изменения в психических и физиологических процессах субъекта, переживающего пороговую ситуацию.

Для лирического субъекта книги «Плоть» характерно высказывание от первого лица. В некоторых случаях собственную лиминальность субъект осознаёт и преподносит, как положение на границе животного и человеческого миров:

Очеловеченной душой – медвежий,
 а телом – гад... [Нарбут, 1920, с. 3]

Идеал жизни для такого субъекта – это единение с природой, которое, однако, не предполагает абсолютного отстранения от социума. В данном случае В. Нарбут обращается к образу бродяги-философа:

Одно влечение: слышать гам,
чуть прорывающий застой,
бродя всю жизнь по хуторам
Григорием Сковородой [Нарбут, 1920, с. 15].

Странничество – лиминальная ситуация, в которой субъект, отказавшийся от жизни в определённом пространстве, не теряет связи с людьми (ведь бродит он именно *по хуторам*). В случае же полного отторжения обществом эта ситуация разрушается, наступает крах субъекта, как это происходит в стихотворении «Порченный»:

Вернуться на село?!
О, никогда!
Слоняться под амбарами вдоль улиц,
сгорать и задыхаться от стыда:
родные, как от вора, отшатнулись! [Нарбут, 1920, с. 10]

С одной стороны, пороговая ситуация для субъекта пройдена – его положение с точки зрения социума однозначно. Но в системе жизнь / смерть он всё ещё занимает промежуточное положение.

Нестабильность границы живого и мёртвого сохраняет свою актуальность как источник лиминальных ситуаций. Однако демонологические персонажи остаются за пределами книги «Плоть». Источник лиминальности теперь следует искать в самом лирическом субъекте: в его действиях, в его психическом и физиологическом состоянии.

Пограничные ситуации, обусловленные изменениями в психических процессах, – это сон, бред и галлюцинации. Лирический субъект стихотворения «Сириус» так описывает произошедшее с ним во сне:

Но протянулась из тьмы рука,
вылитая – верь! – из парафина.
Тонкая, розой льнущая, ткань,
опеленав, уложила в длинный
ящик меня.
Кто будет искать? [Нарбут, 1920, с. 20]

Разобраться в значении собственного сна для героя не представляется возможным, ему доступны только попытки описывания и поиск подходящего языка. Значимым представляется факт осознания субъектом опасности такого положения. Столкновение с чужим миром, с необъяснимым пугает. Потустороннее в стихотворениях книги «Аллилуйя» было естественным, оно вписывалось в архаичные представления о мироустройстве. В «Плоти» иной мир становится враждебным, так как не поддаётся объяснению.

Субъект стихотворения «Тиф» уже ничего о себе сказать не может. Его бред – это его последнее путешествие:

Несите, качайте по Тибету,
по Африке, по мерзлой луне,
где карт и революции нету,
где думать не надо о жене! [Нарбут, 1920, с. 11]

Сходство этих двух состояний – сна и бреда – в том, что они приходят к человеку помимо его воли, и прекратить их субъект не имеет возможности. Иначе обстоит дело с галлюцинациями или видениями, которые возникают у героев стихотворения «Сеанс». Спиритический сеанс – это лиминальная ситуация, организаторами которой выступают сами субъекты во главе с проводником-медиумом. То, что поначалу кажется забавой, приводит к неожиданным последствиям:

Для меня мир всегда был прозрачной воды.
Шарлатаны – я думал – ломают комедию.
Но вчера допотопного страха следы,
словно язвы, в душе моей вскрыл этот медиум.
С пустяков началось, а потом как пошло,
и пошло – и туда, и сюда – раскомаривать:
стол дубовый, как гроб, к потолку волокно,
колыхалось над окнами желтое марево,
и звонил да звонил, что был заперт в шкапу,
колокольчик литой, ненечаянно тронутый.
На омытую холодом ровным тропу
двое юношей выплыли, в снег опеленуты.
Обезглавлен, скользя, каждый голову нес
пред собой на руках, и глаза были зелены... [Нарбут, 1920, с. 21]

Участники спиритического сеанса достигают своей цели – они видят представителей чужого мира, но оказываются не готовы к подобному результату.

Похожая ситуация разворачивается и в стихотворении «Покойник» – к раскладывающей пасьянс старухе является муж. Является он не откуда-нибудь, а прямо с погоста и ведёт он себя при этом как живой:

Шатаясь, в николаевской шинели
с бобровым вылезшим воротником,
войдет, поскрипывая еле-еле
косым, хобьбою сбитым, каблуком.
Потрет ладони, связки пальцев грея,
Никиту, может, кликнет впопыхах,
да, вспомнив, что давно прогнал лакея,
закашляется, захрипит всердцах [Нарбут, 1920, с. 26].

Вдова раскладывает пасьянс – выполняет ряд однотипных действий. Это в какой-то степени способствует медитативному состоянию и – возможно – провоцирует видения. Явившийся покойник ходит, кашляет, пытается звать лакея и даже греть руки. Неустойчивость границы потустороннего мира усугубляется тем, что живое и мёртвое обмениваются свойствами.

Демонстративная активность после смерти свойственна и субъекту стихотворения «Самоубийца». Во-первых, он выступает как инициатор лиминальной

ситуации. Его самоубийство представлено как ещё не состоявшееся, но он описывает собственные посмертные действия так, как будто всё уже происходит:

А если вдруг распорет чрево врач,
вскрывая кучу (цвета кофе) слизи, –
как вымокший заматерелый грач,
я (я – не я!), мечтаю о сюрпризе,
разбухший вывалю кишок калач.
И, чуя приступ тошноты: от вони,
свивающей дыхание в спираль, –
мой эскулап едва-едва затронет
пинцетом, выскобленным, как хрусталь,
зубов необлупившихся эмаль [Нарбут, 1920, с. 13].

Врач, вскрывающий тело, выступает как исследователь лиминальной ситуации. Прежде это роль была доступна только автору.

Возможна и ситуация, в которой одно и то же существо после смерти более активно, чем при жизни. Так, в стихотворении «Пасхальная жертва» индюки, которых откармливают к праздничному столу, едва шевелятся от собственной тяжести, но всё меняется, как только им отрубают головы:

...и схваченная судорогой туша,
расплескивая кляксы сургуча,
запрыгает, как под платком кликуша,
неистовстве хрипя и клопоча? [Нарбут, 1920, с. 5]

Никакого проявления воли в движениях обезглавленных птиц нет. Причина такой «активности» исключительно физиологическая. Но в едином контексте книги «Плоть» этот пример подкрепляет тезис о неустойчивости границ живого и мёртвого.

Лиминальные ситуации, к которым В. Нарбут обращается в своих адамистических книгах, обусловлены, главным образом, неустойчивостью границы человеческого и потустороннего миров. В книге «Аллилуйя» потустороннее имеет фольклорные корни – взаимодействие человека с представителями славянской демонологии сообщает некоторым текстам черты былички. Акцентируется обыденность отношений человека с чужим миром. В книге «Плоть» разница живого и мёртвого рассматривается через призму физиологии. В. Нарбут обращается к состояниям, связанным с изменениями в психических процессах субъекта, переживающего лиминальную ситуацию. Лирический субъект может выступать инициатором лиминальной ситуации или попасть в неё помимо собственной воли. В обоих случаях он оценивает своё положение как критическое. Также в книге «Плоть» изображены переходные ситуации в отношениях человека и общества. Странничество представлено как идеал лиминальности, из которой субъект не стремится выйти.

Таким образом, в адамистической лирике Владимира Нарбута прослеживается потеря связи человека с «упорядоченным потусторонним». Над человеком более нет спасительного представления об устройстве иного мира – поэтому иное представляется опасным.

Литература

- Зенкевич М.А.* Плоть [Рецензия на книгу] // Нарбут В.И., Зенкевич М.А. Статьи, рецензии, письма. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. С. 136–137.
- Нарбут В.И.* Аллилуиа. [СПб.]: Цех поэтов, [1912].
- Нарбут В.И.* Плоть: Быто-эпос. Одесса: 2-я Сов. тип., 1920.
- Нарбут В.И.* Стихотворения. М.: Изд-во «Современник», 1990.
- Проективный философский словарь: Новые термины и понятия* / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2003.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т.* / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Изд-во «Международные отношения», 1995.

P.A. Chesnialis

Novosibirsk State Pedagogical University

LIMINAL CONTEXTS IN ADAMISTIC LYRICS OF VLADIMIR NARBUT

Annotation. The study is devoted to the liminal contexts which occur in the lyrics of Vladimir Narbut of the 1910s decade: it examines their sources, structure and evolution within the chosen period. The author's findings extend our notion of the features of the author's ego ("lyrical subject") in the verses of poets which belong to the literary school of Adamism. The liminal contexts, which Vladimir Narbut appeals to in his book "Alliluya" ("Halleluia"), are associated with breaking the borderlines between the world of humans and the other (non-natural) world. The other (non-natural) world is rooted in folklore, and the interrelation between humans and the characters of the Slavic demonology imparts the features of the genre of "bylichka" (a form of Russian narrative folklore, a tale about a person facing the supernatural elements) to some poems. There is an emphasis on the everyday nature of the relationships between the human and the other world. A lyrical subject hardly ever realizes being in a liminal context and never deems it as a dangerous one. The book "Plot" ("Flesh") retains an interest for liminal contexts caused by instability of the borderline between the human world and the other world. To realize the borderline, Vladimir Narbut refers to the conditions associated with changes in the mental processes. The difference between alive and dead is considered through the terms of physiology. A lyrical subject could initiate a liminal context or get in it against his or her own will. In both cases he or she assesses the existing condition as critical. The book also describes transitional contexts in the relationships between the man and the society. Mental drift is presented to be a condition of perfect liminality, that subject never intends to abandon.

Keywords: Vladimir Narbut, Adamism, Acmeism, liminality, liminal context, lyrical subject.

Information about the author. Chesnialis Polina Anatolyevna, Post-graduate student of the Department of Russian literature and theory of literature, Institute of Philology, Mass information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Vilyuiskaya str. 28, NSPU. Tel. (383) 244-03-30. E-mail: chesnyalis@yandex.ru).